

— А-Чжи, на днях я от А-Ли слышал, что за Горной усадьбой Кленового Листа есть долина, где из-за геотермальных источников цветы распускаются даже не весной и не летом. Пойдём прогуляемся, хорошо?

Мужун Чжи взглянул на него:

— И ты действительно бездельничаешь.

— Да, бездельничаю, но ты же целыми днями на Снежной горе смотришь на снег и лёд, разве за более чем десять лет не надоела эта белизна? Раз уж мы здесь оказались, почему бы не посмотреть на цветущие пейзажи? Тебе обязательно понравится!

Но Мужун Чжи отвернулся:

— Не пойду.

— Почему?

— Если ты говоришь, что там красиво, то, увидев такие пейзажи, непременно привяжешься к мирской суете.

— Хе-хе, а что плохого в том, чтобы привязываться к мирской суете? Если тебе понравится та цветочная долина, А-Чжи, то после моей смерти ты сможешь переехать в Горную усадьбу Кленового Листа. В конце концов, здесь есть целебные источники и Красная пилюля, так что сможешь жить сколько захочешь и каждый день ходить смотреть на цветы.

Голос Мужун Чжи резко изменился:

— Ты... что это за слова?

— Думаю, хозяин Тан Цзи наверняка будет рад тебя принять.

— Я спрашиваю — что ты имеешь в виду?

Се Люй опешил и только теперь заметил, что на лице Мужун Чжи появился гнев.

— Э-э, А-Чжи, я не имел в виду ничего плохого. Просто подумал, что...

— Се Люй, если тебе здесь нравится, если любишь цветущие пейзажи, а не мою белоснежную пустыню, тогда оставайся здесь! Не нужно мне ничего говорить, иди прямо к Тан Цзи и скажи! Если он захочет тебя приютить, я не возражаю! Живи здесь сколько хочешь, смотри на цветы сколько влезет! Это не моё дело!

— Нет, А-Чжи, я совсем не это имел в виду! Что особенного в цветах? — поспешно заулыбался Се Люй. — Более того, хозяин готов принимать тебя, а не меня.

Мужун Чжи усмехнулся:

— Так значит, ты окольными путями хочешь вновь поднять тему моих прошлых отношений с Тан Цзи?

Тут Се Люй наконец осознал, что он бессердечный, болтливый и сам себе выкопал яму. Он почесал затылок и запинаясь произнёс:

— Это... я просто увидел, что хозяин кажется, до сих пор тебя любит.

В душе же он ругал себя сто раз. Какую пользу ему принесло то, что Мужун Чжи узнал о чувствах Тан Цзи?

Ах! Знал бы — промолчал бы!

Пока он мучился, Мужун Чжи молча повернулся и направился к выходу.

— Эй, А-Чжи, куда ты?

Мужун Чжи его игнорировал, и Се Люй последовал за ним. Мужун Чжи ускорялся, но обычный человек, как бы быстро ни шёл, всегда будет медленнее, чем Поступь по снегу без следа.

— А-Чжи, если идти по этой тропинке, кажется, как раз попадёшь к цветам. Но ты, ты так разгневан, разве в таком настроении сможешь оценить красоту долины?

— Я не в долину, просто хочу туда, где тебя нет! Не ходи за мной!

— А-Чжи...

— Ты же прекрасно знаешь, что было между мной и Тан Цзи в прошлом! Знаешь, что это была моя безответная любовь, так зачем же насмеяться? Если это дело тебе неприятно, мне, Мужун Чжи, нечего сказать. Уходи!

— А-Чжи, я, я ничего не имею против... — Я просто сказал правду!

Ах! Но зачем было говорить правду? Я просто идиот!

— Верно! Тебе и не следовало что-либо иметь против! Что я делал в прошлом, что делаю сейчас, что буду делать в будущем, даже если это чудовищные преступления — всё это не имеет к тебе никакого отношения! Не тебе меня судить! Куда мне идти, кто ко мне хорошо относится — и уж тем более не тебе давать мне советы!

— А-Чжи, как же это может не иметь ко мне отношения? — Се Люй почувствовал себя задетым.

— Конечно, не имеет! Мои дела тебя не касаются! Так же как и твоя жизнь и смерть не касаются меня! Даже если ты будешь целыми днями ходить за мной по пятам, притворяться невероятно близким, ты же прекрасно знаешь, что я не изменю своего решения, так зачем тогда...

— А-Чжи, я не хочу, чтобы ты менял решение.

— Да, — горько улыбнулся Мужун Чжи. — Ты и не хочешь, чтобы я менял решение. Ты просто скоро умрёшь и думаешь сделать что-то хорошее перед смертью, верно? Се Люй, мне не нужна твоя жалость!

— Как, как это жалость? А-Чжи, я искренне тебя люблю, разве, разве ты не чувствуешь?

— Люблю? Разве сейчас говорить о любви не слишком поздно?

— Я, я тоже знаю, что поздно, — тихо произнёс Се Люй. — Поэтому я изначально не хотел говорить, прости...

Мужун Чжи усмехнулся, бросил его и пошёл дальше. Пройдя несколько шагов, он удивился, что на этот раз липкая конфета Се Люй не последовала за ним.

Оглянувшись, он увидел, что тот присел на корточки на месте, прикрыв лицо рукавом, словно плача.

Мужун Чжи испытывал и гнев, и абсурдность ситуации. Он уже собрался уйти, но из глубины души медленно поднялась жалость, и ноги отказались идти.

Он закусил губу, помучился мгновение, затем вернулся и лёгко пнул Се Люя.

— Среди бела дня плачешь! На что ты жалуешься? Разве я ошибся?

— У-у...

— Ты, ты, вставай! В твоём возрасте быть таким капризным, что, если кто-то увидит?

— У-у-у...

— Ладно, ладно. — Пришлось и ему присесть и помочь Се Люю подняться. Он знал, что это нелогично, но, видя, что тот обычно всегда улыбается, а сегодня так опечален, он чувствовал всё больше сердечной боли.

Обычный человек, зная, что жить осталось недолго, разве многие могут целый день быть беспечными?

Возможно, он просто, просто целыми днями притворяется весёлым.

Возможно, он действительно осознал свою ошибку, всё это время относился к нему так хорошо, просто отчаянно пытаясь всё исправить. Сам он не ценил этого, но зачем же ранить его такими словами, как только что?

— У-у, ты сказал, что даже моя смерть тебя не касается, у-у, лучше бы я сейчас умер.

Мужун Чжи почувствовал ещё большее раскаяние. Он протянул руку, мягко обнял Се Люя, вздохнул и прижал к груди.

Он вспомнил, как тогда, в Дворце Внимающих Снегу, когда этот ребёнок боялся и не мог заснуть, он тоже вот так обнимал и утешал его. Мужун Чжи слегка замешкался, его душевное состояние словно вернулось к тому времени, когда он хотел баловать и защищать его, а промежуточные десять лет показались словно не пережитым кошмаром.

— Это я сорвался, не слушай мой вздор, это всё неправда.

Услышав это, Се Люй отпустил лицо, вдруг крепко обнял Мужун Чжи за шею, всем телом прильнув к нему:

— А-Чжи самый лучший, я же знал, что ты меня не оставишь.

Мужун Чжи оттолкнул его и увидел на том улыбающемся лице ни следа слёз.

— Ты!

— А-Чжи, видишь, ты же действительно не смог меня бросить? Просто признай это.

Мужун Чжи просто хотелось умереть. Почему же я снова и снова позволяю такому человеку обводить себя вокруг пальца!

— А-Чжи, подожди меня. А-Чжи!

Мужун Чжи полностью опустил руки, ему даже лень было идти быстрее. Се Люй догнал его и с извиняющейся улыбкой сказал:

— Вообще-то, я с самого утра хотел поговорить с тобой о другом деле. Боялся, что рассердишься, поэтому всё время вёл разговор в сторону, чтобы отвлечь, но, видимо, язык у меня неуклюжий, расстроил тебя ещё больше, во всём виноват.

— Ты хотел что-то мне сказать?

Но на лице Се Люя вновь появилось колебание:

— Может, лучше найдём место присесть и поговорим. Боюсь, ты рассердишься, когда услышишь.

— Раз знаешь, что я рассержусь, лучше не говори.

— Нельзя, — покачал головой Се Люй. — Это дело, даже если знаю, что ты рассердишься, я должен всё подробно тебе объяснить.

Затем Се Люй насильно усадил Мужун Чжи на придорожный зелёный камень. Он подробно рассказал ему всё: как через несколько дней после прибытия в Дворец Внимающих Снегу ему показалось, что А-Ли знаком, как заметил его странное поведение в Горной усадьбе Кленового Листа и посадил на него Благовоние заблудшего пути, как той ночью перехватил его в Павильоне Сокровищ, а также о его происхождении и прошлом.

— Так значит, ты в Павильоне Сокровищ Тан Цзи украл чужое?

— Я взял совсем немного. — И это не главное!

— Если тебе чего-то не хватает, в нашем Дворце Внимающих Снегу много сокровищ, бери всё, что нужно, зачем ещё брать чужое? — вздохнул Мужун Чжи.

— Мне неудобно брать твоё, А-Чжи.

— Что за слова? Чужое можно брать, а моё нельзя?

— Потому что я должен о тебе заботиться, как же можно наоборот...

Непостоянная я втихомолку планирую новый текст, где подлый шоу будет мучить гона.

Ах-ах-ах, как только начинаю новую работу, не хочется заполнять старые, как же плохо!

<http://bllate.org/book/15612/1393966>